

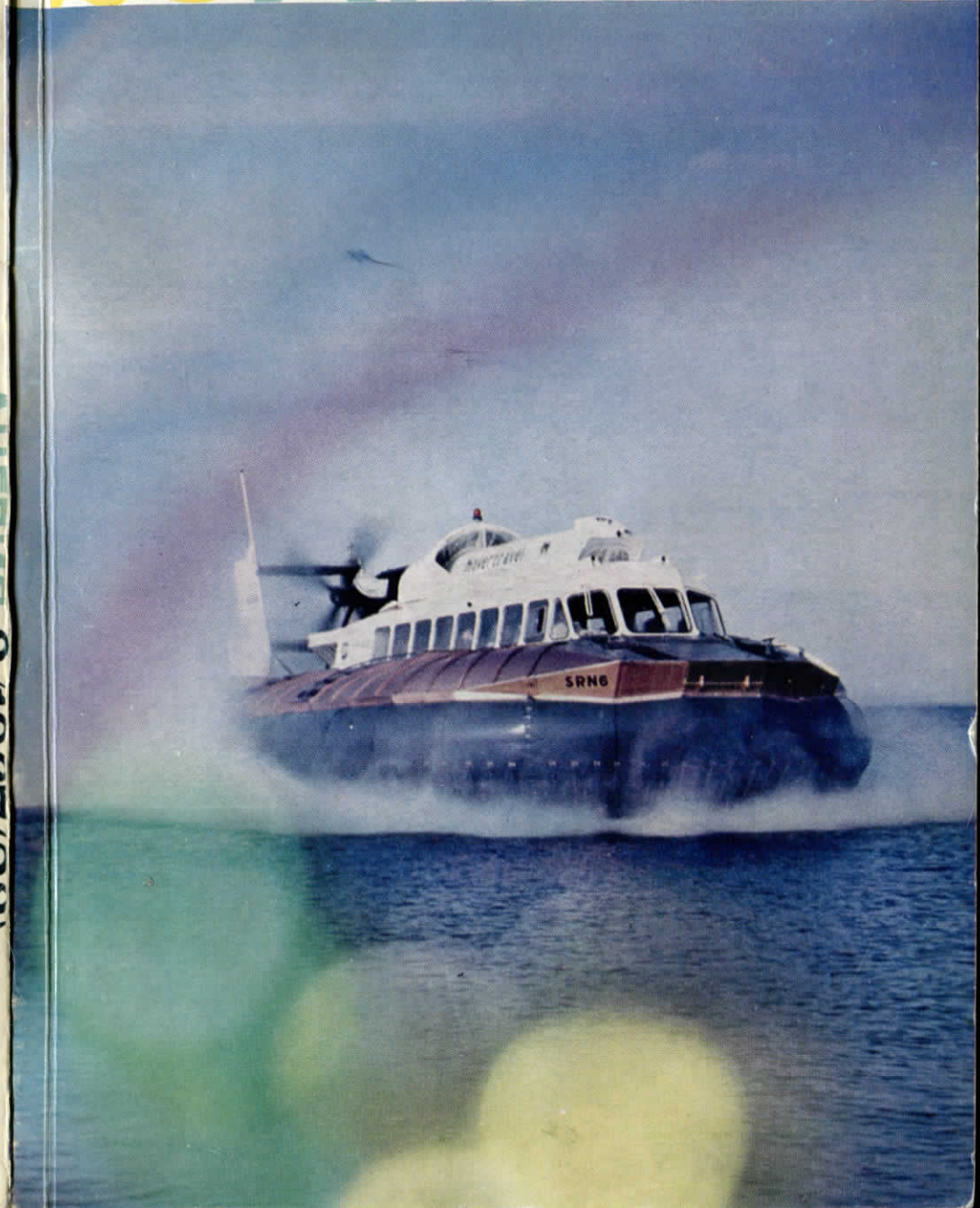

ЦЕНА 40 КОП

АНГЛИЯ 3/1967 (23)

ЖУРНАЛ О СЕГОДНЯШНЕЙ ЖИЗНИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

23 АНГЛИЯ

Социология :

1. Методы социологических обследований

Марк Абрамс

2

2. Умение общаться с людьми *Артур Смит*

16

“Fingers in the Door” — David Holbrook

(стихи на английском языке)

21

Добыча угля без шахтеров

22

Социолог Майкл Янг

29

Корнуолл и Девон *Джеффри Григсон*

34

Условное осуждение *Джеффри Паркинсон*

47

Англо-советская выставка

54

Пребывание А. Н. Косыгина в Великобритании

(фотографии)

56

«Панч» *Р. Дж. Дж. Прайс*

58

Новая Энциклопедия Чемберса *Редактор «Англии»*

74

Трагедия в отеле (рассказ) *Агата Кристи*

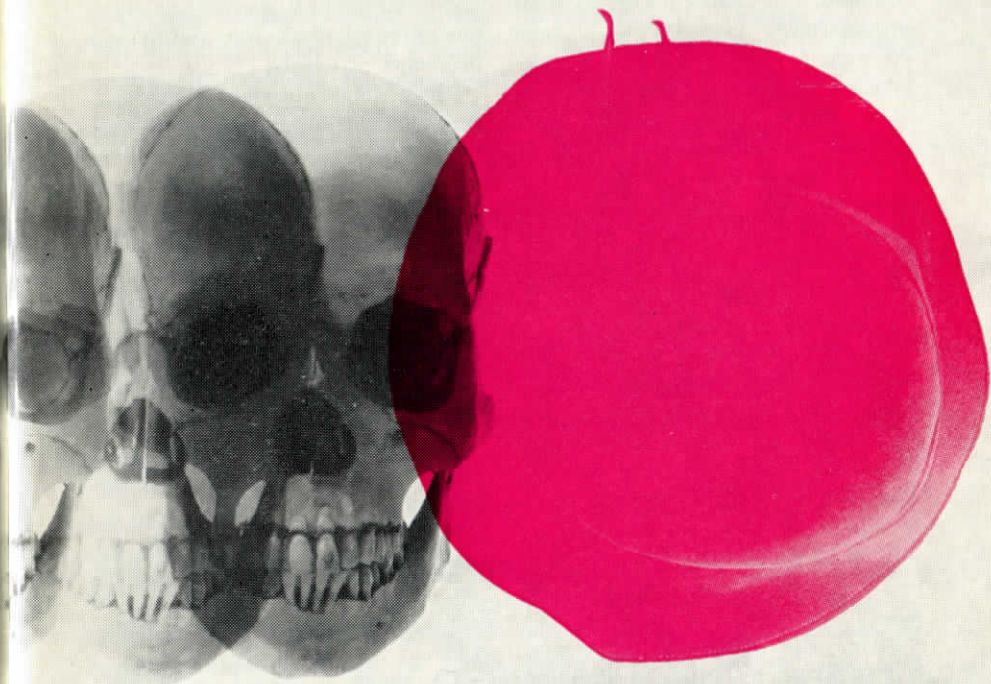
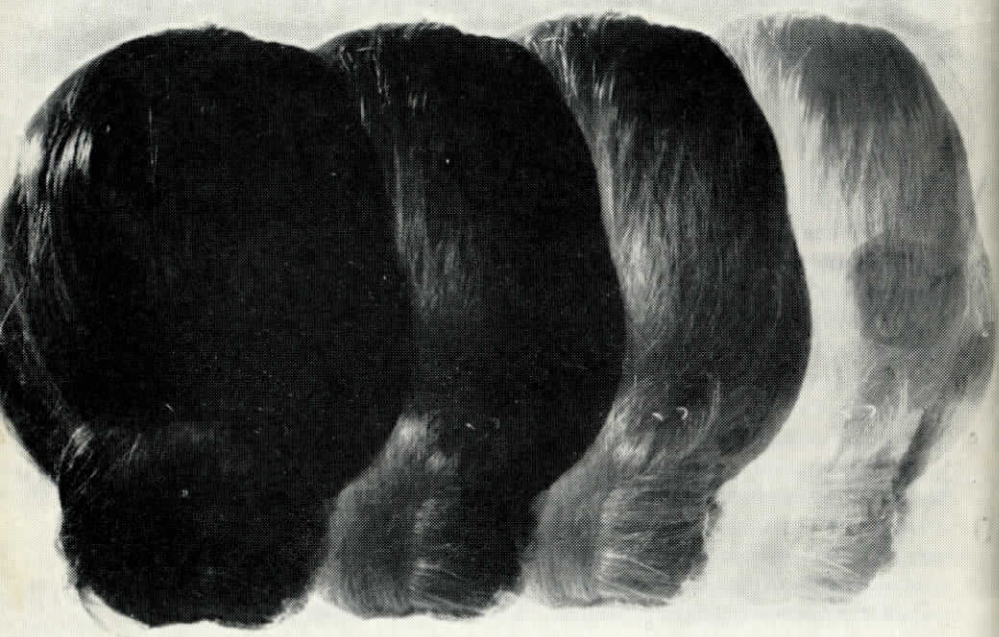
78

“Wind” — Ted Hughes *(стихи на английском языке)*

97

Парусный спорт *Гордон Уинтер*

98

АГАТА КРИСТИ ТРАГЕДИЯ В ОТЕЛЕ

— Подаю жалобу, — сказал сэр Генри Клизеринг, обводя взглядом собравшееся общество, и в его глазах блеснул огонек. Полковник Бэнтри сидел, вытянув ноги и хмуро глядя в камин, словно видел перед собой провинившегося на смотру солдата; его жена тайком

заглядывала в каталог цветочных луковиц; д-р Ллойд с нескрываемым восхищением смотрел на Джейн Хелиер, а сама эта юная и прекрасная актриса с глубокомысленным видом рассматривала свои розовые отполированные ногти. И только выпетшие голубые глаза пожилой леди, старой девы мисс Марпл, сидевшей прямо, как стрела, встретили взгляд сэра Генри ответным огоньком.

— Жалобу? — прошептала она.

— И очень серьезную жалобу. Мы собрались здесь шестером, по трое представителей каждого пола, и я протестую от имени угнетенных мужчин. Мы выслушали сегодня три истории — и все три рассказали мужчины! Я заявляю, что леди не внесли своей лепты.

— О! — возмущенно проговорила миссис Бэнтри, — я уверена, мы внесли. Мы слушали внимательно, с интересом и проявили истинно женское отношение к делу: нежелание выставить себя на показ!

— Это великолепное оправдание, — сказал сэр Генри, — но оно не пройдет. А «Тысяча и одна ночь» дает очень хороший пример! Итак, начинайте, Шахразада!

— Вы имеете в виду меня? — сказала миссис Бэнтри. — Но я ничего такого не знаю. Рядом со мной никогда не происходили кровавые или таинственные истории.

— Я не настаиваю непременно на кровавых, — сказал сэр Генри. — Но уверен, что у одной из вас троих есть какая-нибудь любимая тайна.

Ну, мисс Марпл, расскажите нам про «Уборщицу или странное стечение обстоятельств» или про «Тайну собрания матерей».

Мисс Марпл покачала головой. — Я не знаю ничего, что могло бы вас заинтересовать, сэр Генри. Конечно, у нас есть наши маленькие тайны; был, например, случай с банкой облущенных креветок, которая исчезла столь непостижимым образом; но это не представило бы для вас интереса, потому что, хотя этот случай и проливает некоторый свет на человеческую природу, он оказался весьма тривиальным.

— Вы научили меня поклоняться человеческой природе, — торжественно сказал сэр Генри.

— Ну, а как насчет вас, мисс Хелиер? — спросил полковник Бэнтри. — В вашей жизни должны были быть интересные происшествия.

— Да, верно, — сказал д-р Ллойд.

— У меня? — сказала Джейн. — Вы хотите сказать — вы хотите, чтобы я рассказала что-то, что случилось со мной?

— Или с кем-нибудь из ваших друзей, — внес поправку сэр Генри.

— О! — невнятно проговорила Джейн. — Мне кажется, со мной никогда ничего не происходит. Я хочу сказать — ничего такого особенного. Разумеется, присылали цветы и странные записки — но это всего-навсего мужчины, правда? Не думаю... — Она замолчала и, казалось, погрузилась в размышления.

— Я вижу, нам придется удовольствоваться эпосом креветок, — сказал сэр Генри. — Ну, мисс Марпл. — Вы так любите шутить, сэр Генри. Креветки — просто ерунда. Но теперь, подумав, я действительно припоминаю один случай — собственно говоря, не просто инцидент, а нечто гораздо более серьезное — трагедию. В некотором роде я была ее участницей и никогда не жалела о том, что я сделала, — нет,нисколько.

Сэр Генри уселся поудобнее и приготовился слушать. Мисс Марпл слегка порозовела.

— Надеюсь, я сумею рассказать это как следует, — сказала она с беспокойством. — Боюсь, что у меня есть склонность отвлекаться. Уходишь в сторону, совершенно не подозревая об этом. И трудно вспомнить все в нужном порядке. Будьте снисходительны ко мне, если я плохо расскажу эту историю. Это случилось очень давно. Дело происходило в бальнеологическом санатории.

— Отвратительные места, совершенно отвратительные, — сказал полковник Бэнтри. — Нужно рано вставать и пить мерзостную воду. Повсюду множество старух. Злобные сплетни. Боже, когда я вспоминаю...

— Ну же, Артур, — спокойно сказала миссис Бэнтри. — Ты же знаешь, что тебе это пошло на пользу. — Повсюду сидит множество старух и сплетничает, — проворчал полковник Бэнтри.

— Боюсь, что это правда, — сказала мисс Марпл. — Я сама...

— Дорогая мисс Марпл, — в ужасе воскликнул полковник. — Я ни в коем случае не имел в виду...

Легким движением руки мисс Марпл, еще больше порозовев, остановила его.

— Но это сущая правда, полковник Бэнтри. Мне только хотелось бы сказать вот что. Дайте мне собраться с мыслями. Да. Сплетничают, как вы говорите, действительно много. И люди очень не одобряют этого — в особенности молодые. Мой племянник, который пишет книги, и — я считаю — очень умные книги, говорит самые ужасные вещи о том, как безо всяких на то оснований рушатся человеческие репутации и как это безнравственно и все такое. Но я хочу сказать, что никто из этих молодых людей ни разу над этим не задумывался. Они никогда толком не обращают внимания на факты. Вся загвоздка в том, как часто сплетня, как вы ее называете, оказывается правдой! И я думаю, что если, как я уже сказала, они бы как следует обращали внимание на факты, они бы увидели, что в девяти случаях из десяти это была правда! Вот что на самом деле так сильно и раздражает людей.

— Догадка по наитию, — сказал сэр Генри.

— Нет, не то, совсем не то! Право, это дело практики и опыта. Египтолог, я слышала, если ему показать одного из таких чудных маленьких жучков, может по одному их

виду или наощупь сказать, к какому времени до нашей эры он относится или же это просто бирмингемская подделка. И он не всегда может указать, как именно он это установил. Он просто знает в чем дело. Он занимался этим всю свою жизнь.

Это я и пытаюсь сказать (очень плохо, я знаю). Те, кого мой племянник называет «имеющимися в избытке женщинами», располагают массой свободного времени, и обычно их основной интерес — это люди. Понимаете, таким образом они становятся, можно сказать, экспертами. Нынешние молодые люди — они вполне свободно говорят о таких вещах, которые в дни моей молодости даже не упоминались, — но, с другой стороны, в душе они страшно невинны. Они верят всем и всему. И если кто-то пытается их предостеречь, хотя бы в самой мягкой форме, они говорят, что у него викторианский ум, да и тот, говорят, похож на кухонную раковину. — В конце концов, — сказал сэр Генри, — что плохого в кухонной раковине?

— Совершенно верно, — с жаром сказала мисс Марпл. — В любом доме это самая необходимая вещь, но, конечно, она не романтична. Я знаю, джентльмены не интересуются домашними делами, но я должна упомянуть о своей горничной Этель — девице, очень красивой и во всех отношениях услужливой. Так вот, как только я ее

увидела, я сразу же поняла, что она того же поля ягода, что Анни Уэбб и служанка бедной миссис Бруитт, и что если ей представится возможность, то *мое* и *твое* ничего для нее не будет значить. Так что через месяц я ее отпустила, дав письменную рекомендацию, где говорилось, что она честная и не пьющая, но в частном порядке я предупредила старую миссис Эдвардс, чтобы она ее не брала. Мой племянник Рэймонд был крайне взбешен и говорил, что никогда не слышал ничего более злонамеренного — именно злонамеренного. Что ж, она поступила к леди Эштон, которую я не сочла своим долгом предупредить, и что вышло? С нижнего белья были срезаны все кружева, были украдены две бриллиантовые брошки, — а девица отбыла под покровом ночи, и с тех пор о ней ничего не было слышно.

Мисс Марпл замолчала, протяжно вздохнула и затем продолжала. — Вы скажете, что все это не имеет никакого отношения к тому, что произошло в Кестонской водолечебнице, но в некотором роде связь есть, так как это объясняет, почему с первой минуты, когда я увидела Сандерсов вместе, я не сомневалась, что он намеревался покончить с ней.

— Э? — сказал сэр Генри, наклоняясь вперед. Мисс Марпл с безмятежным лицом обернулась к нему.

— Я говорю, сэр Генри, в душе я не испытывала никаких сомнений.

М-р Сандерс был крупный, красивый, румяный мужчина, очень общительный и пользующийся всеобщим расположением. И никто не мог обращаться со своей женой лучше, чем он. Но я знала! Он намеревался разделиться с ней!

— Дорогая мисс Марпл...

— Да, я знаю. То же самое сказал бы мой племянник Рэймонд Уэст. Он сказал бы, что у меня не было никаких доказательств. Но я помню Уолтера Хоунса, которому принадлежала гостиница «Зеленый человек». Однажды вечером он возвращался домой со своей женой. Она упала в реку, а он получил страховку! Есть еще один-два других таких человека, которые до сего времени ходят безнаказанные — один даже из нашего собственного класса. Отправился с женой в Швейцарию провести летний отдых, лазая по горам. Я предупреждала ее, чтобы она не ездила — бедняжка на меня не рассердилась, как сделали бы другие, — она только посмеялась. Ей показалось смешно, что такая чудная старушка, как я, говорит подобные вещи о ее Харри. Так, так. Произошел несчастный случай, и теперь Харри женат на другой. Но что я могла поделать? Я знала, но у меня не было никаких доказательств.

— О, мисс Марпл, — воскликнула миссис Бэнтри. — Неужели вы действительно хотите сказать...

— Моя дорогая, это вполне обычные вещи, право, вполне обычные. А джентльмены, будучи намного

сильнее, испытывают особое искушение. Ведь так легко представить дело так, будто произошел несчастный случай. Как я сказала, я сразу поняла это с Сандерсами. Это было в трамвае. Внизу было переполнено, и мне пришлось подняться наверх. Нужно было сходиться, мы все трое поднялись, и м-р Сандерс, потеряв равновесие, упал прямо на свою жену, которая полетела по лестнице вниз головой. К счастью, кондуктор был очень сильный молодой человек и подхватил ее.

— Но это несомненно должен был быть несчастный случай.

— Конечно, несчастный случай — ничто не могло выглядеть случайнее. Но м-р Сандерс служил в торговом флоте, так он мне говорил, а человек, который может сохранять равновесие во время качки на корабле, не теряет его в трамвае, если его не теряет такая старуха, как я. И не говорите!

— По крайней мере, мы можем заключить, мисс Марпл, что вы составили свое мнение, — сказал сэр Генри. — Составили там же, в тот момент.

Старая леди утвердительно кивнула головой.

— Я была вполне в этом уверена, а в скором времени другой случай при переходе через улицу лишь укрепил мою уверенность. Так вот я вас спрашиваю, сэр Генри, что я могла поделать? Передо мной была милая, довольная, счастливая маленькая замуж-

няя женщина, которую должны были вскоре убить.

— Моя дорогая леди, вы меня изумляете.

— Это потому, что, подобно большинству теперешних людей, вы не желаете видеть факты. Вы предпочитаете думать, что такие вещи невозможны! Но так было, и я это знала. К сожалению, человек находится в таком трудном положении! Я не могла, например, пойти в полицию. А предупреждать молодую женщину было явно бесполезно. Она была предана мужу. Я поставила себе задачу выяснить о них все, что могла. А если заниматься шитьем у камина, возникает множество таких возможностей. Миссис Сандерс (ее звали Гледис) говорила очень охотно. Они как будто были не очень давно женаты. В будущем ее мужу должно было что-то перейти по наследству, но в то время они были очень стеснены в средствах и жили на доход с ее маленького состояния. Такие истории любому доводилось слышать прежде! Она сожалела, что не может притронуться к этому капиталу. Видно у кого-то где-то хватило ума! Но она могла оставить эти деньги по завещанию, как я выяснила. И она и ее муж сразу же после замужества составили завещание в пользу друг друга. Очень трогательно. А пока что они действительно находились в очень затруднительном положении: они снимали комнату на верхнем этаже, среди слуг, — это очень опасно в случае

пожара — хотя, если бы это случилось, прямо у них под окном была пожарная лестница. Я осторожно разузнала, нет ли там балкона, — опасная вещь, эти балконы. Чуть толкнешь, знаете!

Я заставила ее дать обещание, что она не будет выходить на балкон; сказала, что видела сон. Это на нее подействовало — с помощью суеверия иногда можно многого добиться. Она была блондинка, довольно бесцветная, волосы небрежно стянуты на шее узлом. Очень доверчивая. Она пересказывала мужу, что я говорила, и я заметила, как он раз или два с любопытством на меня взглянул. Он не был доверчив, и он знал, что я ехала тогда с ними в трамвае.

Но я очень беспокоилась — ужасно беспокоилась — потому что не знала, как мне его перехитрить. Я могла предотвратить любую вещь в водолечебнице всего несколькими словами, которые показали бы ему, что я его подозреваю. Но тогда он лишь отложил бы осуществление своего плана на более позднее время. Нет, я решила, что единственная политика — это смелая политика: расставить ему тем или иным способом ловушку. Если бы я могла вынудить его посягнуть на ее жизнь по моему усмотрению, что ж, тогда маска с него была бы сорвана, и она была бы вынуждена посмотреть правде в глаза, каким бы потрясением это для нее ни было.

— Вы меня изумляете, — сказал

д-р Ллойд. — Какой план мог придти вам в голову?

— Не бойтесь, я бы его нашла, — сказала мисс Марпл. — Но он был слишком хитер для меня. Он не стал дожидаться. Он думал, что я его, возможно, подозреваю, и потому выступил первым; прежде чем я могла удостовериться. Он знал, что несчастный случай будет для меня подозрителен. Поэтому он выбрал убийство.

В комнате раздались возгласы изумления. Мисс Марпл снова кивнула головой и мрачно пожала губы.

— Боюсь, я выпалила это совсем неожиданно. Нужно попытаться рассказать, как все в точности произошло. Для меня это всегда было большим огорчением: мне кажется, каким-то образом я должна была это предотвратить. Но провидение, безусловно, распорядилось по-своему. Во всяком случае, я сделала все, что могла.

В воздухе было, можно сказать, что-то странное и зловещее. Казалось, что-то тяжелое нависло над всеми нами. Ощущение беды. Началось с Джорджа, швейцара. Работал там много лет и всех знал. Внезапно — бронхит и воспаление легких; скончался на четвертый день. Ужасно печально. Это было ударом для всех — да еще за четыре дня до Рождества. А потом — одна из горничных, такая милая девушка, — заражение крови в пальце — умерла через двадцать четыре часа.

Я сидела в гостиной с мисс

Троллоп и старой миссис Карпентер, и миссис Карпентер явно была настроена кровожадно — знаете, ей это доставляло удовольствие.

«Помяните мои слова, — сказала она. — Это еще не все. Знаете поговорку? Бог троицу любит. Я видела, что это так, не один раз. Будет еще одна смерть. Нечего сомневаться. И нам не придется долго ждать. Бог троицу любит».

Когда она произнесла последние слова, кивая головой и звеня спицами, я случайно подняла глаза — в дверях стоял м-р Сандерс. Всего на миг он позабыл об осторожности, и я видела выражение на его лице ясно, как день. До своего смертного часа я буду верить, что это кровожадные слова миссис Карпентер заронили ему в голову эту мысль. Я видела, как заработал его мозг.

Он прошел в комнату, по обыкновению весело улыбаясь.

«Не могу ли я, леди, сделать для вас какие-нибудь рождественские покупки? — спросил он. — Я сейчас отправляюсь в Кестон».

Он задержался на одну-две минуты, смеясь и болтая, а потом вышел. Как я вам сказала, я была встревожена и тотчас же сказала:

«Где миссис Сандерс? Никто не знает?»

Мисс Троллоп сказала, что она пошла к своим знакомым, Мортимерам, поиграть в бридж, и на какое-то время у меня отлегло от сердца. Но я все еще очень беспокоилась и совершенно не знала, что

мне делать. Примерно через полчаса я поднялась к себе. На лестнице я встретилась с д-ром Коулсом, моим врачом, который спустился вниз, и поскольку мне хотелось спросить его насчет моего ревматизма, я тут же пригласила его к себе в комнату. Он сообщил мне тогда (он сказал — по секрету) о смерти бедняжки Мэри. Хозяин не хотел, чтобы эта новость распространилась, сказал он, так что не смогу ли я сохранить ее в тайне. Я, конечно, не сказала ему, что вот уже целый час — с тех пор, как бедная девочка перестала дышать, — мы ни о чем другом не говорили. Такие вещи всегда становятся известными сразу, и человек с его опытом должен был бы хорошо это знать; но д-р Коулс всегда был простым и бесхитростным малым, который верил тому, чему хотел верить; это-то и встревожило меня минуту спустя. Уходя, он сказал, что Сандерс просил его посмотреть его жену. Она как будто неважно себя чувствовала — расстройство желудка и тому подобное.

Но в тот же самый день Гледис Сандерс говорила мне, что у нее отличное пищеварение и как она этому рада.

Видите? Все мои подозрения против этого человека ожили вновь, увеличившись во сто крат. Он готовил путь — но к чему? Д-р Коулс ушел прежде, чем я решила, говорить мне с ним или нет, — хотя если бы я заговорила, я не знала бы, что сказать. Когда я выходила

из комнаты, Сандерс собственной персоной спускался по лестнице с верхнего этажа. Он был в пальто, собирался уходить и снова спросил меня, не может ли он чего-нибудь сделать для меня в городе. Как это мне ни было трудно, я должна была ему вежливо ответить! Я сразу же направилась в гостиную и заказала чай. Я помню, что было ровно половина шестого.

Мне очень хочется ясно передать, что произошло дальше. Без четверти семь я все еще сидела в гостиной, когда вошел м-р Сандерс. С ним было два джентльмена, и у всех трех заметно было некоторое оживление. М-р Сандерс оставил своих друзей и подошел прямо к тому месту, где сидели мы с мисс Троллоп. Он объяснил, что хотел бы посоветоваться с нами насчет подарка жене на Рождество. Это была сумочка к вечернему платью.

«Видите ли, леди, — сказал он, — я всего лишь простой моряк. Что я понимаю в таких вещах? Я попросил прислать мне три, чтобы выбрать, какая больше понравится, и мне хочется услышать о них мнение экспертов».

Мы сказали, что мы, конечно, с радостью ему поможем, и он сказал, не возражали ли бы мы против того, чтобы подняться наверх, поскольку его жена может прийти в любую минуту, если он принесет вещи вниз. Так что мы поднялись с ним наверх. Никогда не забуду, что случилось дальше, —

я и сейчас чувствую, как у меня немеют мизинцы.

М-р Сандерс открыл дверь спальни и включил свет. Не знаю, кто из нас первым увидел...

Миссис Сандерс лежала на полу, ничком, мертвая.

Я первая подошла к ней. Опустилась на колени, взяла руку и стала шупать пульс, но было бесполезно, рука уже похолодела и не гнулась. Прямо у ее головы лежал чулок с песком — оружие, которым она была убита. Мисс Троллоп, глупое создание, все стонала и стонала у дверей, держась за голову. Сандерс громко воскликнул: «Моя жена, моя жена!» — и бросился к ней. Я не дала ему прикоснуться к ней. Видите ли, в тот момент я была уверена, что это сделал он и что ему может быть хотелось что-то убрать или спрятать.

«Ни к чему не прикасаться, — сказала я. — Соберитесь с духом, м-р Сандерс. Мисс Троллоп, спуститесь, пожалуйста, вниз и приведите хозяина».

Я осталась там, стоя на коленях, рядом с телом. Я не собиралась оставлять м-ра Сандерса с ним наедине. И все же я была вынуждена признать, что если он играл роль, то играл ее великолепно. Он выглядел ошеломленным, сбитым с толку и испуганным до потери сознания.

Не прошло и минуты, как хозяин был с нами. Он быстро осмотрел комнату, потом выставил нас всех за дверь и запер ее, забрав с собой

ключ. Потом он пошел и позвонил в полицию. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем она появилась (потом мы узнали, что линия была испорчена). Хозяину пришлось послать посыльного в полицейский участок, а лечебница находится как раз за городом, на самом краю вересковой пустоши; и миссис Карпентер всех нас порядком измучила. Она так радовалась, что ее пророчество: «Бог троюшку любит» — так быстро сбылось. Я слышала, как Сандерс вышел в сад, сжимая голову, издавая стоны и проявляя другие признаки горя.

Однако, наконец, явилась и полиция. Они поднялись наверх с хозяином и м-ром Сандерсом. Потом послали вниз за мной. Я поднялась наверх. Там у стола сидел инспектор и писал. У него был вид умного человека, и он мне понравился. Он сказал:

«Мисс Джейн Марпл?»

«Да».

«Мне сказали, сударыня, что вы присутствовали, когда было обнаружено тело умершей?»

Я сказала, что присутствовала, и точно описала, что произошло. Думаю, что для бедняги было облегчением найти кого-то, кто мог связно отвечать на его вопросы, после того как ему пришлось иметь дело с Сандерсом и Эмили Троллоп, которая, как мне говорили, была совершенно деморализована — еще бы ей не быть, глупому созданию! Я помню, моя дорогая

матушка учила меня, что настоящая леди должна всегда уметь держать себя в руках в обществе, как бы сильно она ни предавалась отчаянию наедине сама с собой.

— Превосходный афоризм, — серьезно сказал сэр Генри.

— Когда я закончила, инспектор сказал:

«Благодарю вас, сударыня. К сожалению, теперь я должен попросить вас еще раз взглянуть на тело. Лежит ли оно точно в том же положении, в каком лежало, когда вы вошли в комнату? Не было ли оно как-нибудь сдвинуто?»

Я объяснила, что не дала м-ру Сандерсу этого сделать, и инспектор одобрительно кивнул.

«Джентльмен, кажется, ужасно расстроен», — заметил он.

«Да, кажется, так», — ответила я.

По-моему, я не сделала особого ударения на «кажется», но инспектор довольно пристально поглядел на меня. Он сказал:

«Итак, мы можем заключить, что тело лежит точно так же, как лежало, когда его нашли?»

«Да, кроме шляпы», — ответила я.

Инспектор быстро поднял глаза вверх.

«Что вы хотите сказать — кроме шляпы?»

Я объяснила, что шляпа была на голове бедной Гледис, тогда как теперь валялась рядом. Я, разумеется, думала, что это сделала полиция. Однако, инспектор настойчиво это отрицал. Ничего пока

что не двигали и не трогали. Он стоял и смотрел на эту бедную распростертую на полу фигуру, озадаченно хмурия брови. На Гледис было то, в чем она выходила на улицу, — темнокрасное твидовое пальто с серым меховым воротником. Дешевая шляпа из красного фетра лежала тут же у ее головы.

Несколько минут инспектор стоял молча, хмуриясь своим мыслям. Потом его осенила идея.

«Не можете ли вы случайно припомнить, сударыня, были ли у нее в ушах серьги и вообще носила ли ушопшая серьги?»

Что ж, по счастью, я имею привычку внимательно наблюдать за всем. Я вспомнила, что из-под полей шляпы блеснули жемчужинки, хотя в то время я не обратила на это особого внимания. На его первый вопрос я смогла ответить утвердительно.

«Тогда это объясняет все. Принадлежавший леди ящик с драгоценностями был ограблен — хотя, насколько мне известно, у нее не было ничего особенно ценного, — и кольца сняты с пальцев. Убийца, должно быть, забыл про серьги и вернулся за ними, когда убийство было обнаружено. Хладнокровный господин! Или, может быть... — он внимательно осмотрел комнату и медленно сказал — он мог находиться в комнате — в укрытии — все время».

Но я отвергла эту мысль. Я объяснила, что я сама заглянула под кровать. А хозяин отворял

дверцы гардероба. Больше человеку негде было спрятаться. Правда, в средней части гардероба было заперто отделение для шляп, но так как там было всего лишь узкое пространство с полками, никто не мог там скрываться.

Пока я все это излагала, инспектор медленно кивал головой. «В этом я полагаюсь на вас, сударыня, — сказал он. — В таком случае, как я уже говорил раньше, он должен был вернуться. Очень хладнокровный господин».

«Но хозяин запер дверь и забрал ключ!»

«Ничего не значит. Балкон и пожарная лестница — вот как забрался вор. Что ж, вполне вероятно, что вы и впрямь застали его за этим занятием. Он выскочил в окно, а когда вы все ушли, он снова тут как тут и продолжает свое дело».

«Вы уверены, — сказала я, — что вор был?»

Он сухо сказал:

«Похоже, что так, не правда ли?»

Но что-то в его тоне удовлетворило меня. Я почувствовала, что он не станет слишком серьезно относиться к м-ру Сандерсу в роли обездоленного вдовца.

Видите ли, признаться откровенно, я была абсолютно во власти того, что наши соседи французы называют, мне кажется, *идеей фикс*. Я знала, что этот человек, Сандерс, собирался умертвить жену. Чего я не допускала, так это странной и фантастической вещи — совпадения. Мои представления о м-ре

Сандерсе — я была в этом уверена — были совершенно справедливы и верны. Этот человек был негодяй. И хотя его притворное выражение горя ни на минуту меня не обмануло, я помню, что действительно почувствовала в то время, что удивление и растерянность были сыграны им превосходно. Они выглядели совершенно естественно — вы понимаете, что я имею в виду. Но я должна сознаться, что после разговора с инспектором странное чувство сомнения закралось ко мне в душу. Потому что, если Сандерс совершил эту ужасную вещь, я не могла вообразить ничего, что заставило бы его вернуться, пробираясь по пожарной лестнице, и вынуть серьги у жены из ушей. Это было бы неразумно, а Сандерс был такой разумный человек — вот почему я всегда чувствовала, что он так опасен.

Мисс Марпл взглянула на своих слушателей.

— Вы, вероятно, поняли, куда я веду? Как часто в этом мире происходит то, чего не ожидаешь. Я была так уверена; это-то, по-моему, и ослепило меня. Окончательный вывод был для меня настоящим шоком. Потому что вне всяких сомнений было доказано, что м-р Сандерс никак не мог совершить этого преступления.

У миссис Бэнтри вырвался вздох изумления. Мисс Марпл повернулась к ней.

— Я знаю, дорогая, это не то, чего

вы ожидали, когда я начала эту историю. Это было не то, чего ожидала и я. Но факты есть факты, и если человеку докажут, что он неправ, он должен смириться и начать сызнова. Что в душе м-р Сандерс был убийцей, я знала, и не произошло ничего, что могло поколебать мое твердое убеждение.

А теперь, я полагаю вам хочется услышать, что было на самом деле. Миссис Сандерс, как вы знаете, провела вечер, играя с друзьями, Мортимерами, в бридж. Она ушла от них примерно в четверть седьмого. От дома ее друзей до лечебницы было около четверти часа ходьбы — меньше, если идти быстро. Значит, она должна была придти около половины седьмого. Никто не видел, как она вошла, так что она, должно быть, прошла через боковую дверь и поспешила прямо наверх, к себе в комнату. Там она переделалась (коричневый жакет и юбка, в которых она ходила играть в бридж, висели в гардеробе) и, очевидно, снова собиралась уйти, когда обрушился этот удар. Возможно, она даже и не знала, кто ударил ее. Мне говорили, что мешок с песком очень эффективное оружие. Получается, будто нападавшие прятались в комнате, возможно, в одном из больших отделений шкафа — в том, которого она не открывала.

Теперь о передвижениях м-ра Сандерса. Как я сказала, он вышел около половины шестого или чуть попозже. Сделал кое-какие покупки

в одном-двух магазинах и около шести часов вошел в Гранд-Спа-Отель, где встретился с двумя своими друзьями — теми самыми, с которыми он потом вернулся в лечебницу. Они играли в бильярд и — так мне сказали — выпили вместе изрядное количество виски с содовой. Эти два человека (их звали Хитчкок и Спендер) действительно были с ним все это время, начиная с шести часов. Они пришли с ним в лечебницу, и он оставил их лишь затем, чтобы подойти к нам с мисс Троллоп. Это, как я уже сказала, было около без четверти семь — в это время его жена уже должна была быть мертва.

Должна вам сказать, что я сама поговорила с этими его друзьями. Они мне не понравились. Они не были ни приятными мужчинами, ни джентльменами, но в одном я была абсолютно уверена: они говорили чистую правду, когда сказали, что м-р Сандерс провел в их обществе все это время.

Всплыла еще одна маленькая подробность. Оказалось, во время бриджа миссис Сандерс вызывали к телефону. С ней хотел поговорить некий м-р Литтлуорт. Она казалась одновременно чем-то взволнованной и обрадованной и, между прочим, допустила одну или две грубых ошибки. Она ушла гораздо раньше, чем ожидали.

М-ра Сандерса спросили, не знает ли он среди друзей жены человека по фамилии Литтлуорт, но он заявил, что никогда не слышал о чело-

веке с такой фамилией. Мне казалось, это подтверждало и поведение его жены: ей тоже фамилия Литтлуорт была, видимо, незнакома. Тем не менее она вернулась, поговорив по телефону, улыбающаяся и раскрасневшаяся, так что похоже, что кто бы ни был этот человек, он не назвал своего настоящего имени, а это само по себе подозрительно, не так ли?

Во всяком случае, дело сводилось к следующему: чему следовало верить — истории с ограблением, казавшейся невероятной, или, напротив, предположению, что миссис Сандерс собиралась выйти на улицу, чтобы с кем-то встретиться? Поднялся ли этот кто-то в ее комнату по пожарной лестнице? Произошла ли ссора? Или он предательски напал на нее?

Мисс Марпл остановилась.

— Ну, — сказал сэр Генри. — Каков же ответ?

— Мне интересно, смог ли бы кто-нибудь из вас догадаться?

— Я всегда плохо угадываю, — сказала миссис Бэнтри. — Жаль, что у Сандерса было такое прекрасное алиби, но если оно удовлетворило вас, с ним, должно быть, все в порядке.

Джейн Хелиер повернула свою красивую голову и задала вопрос:

— Почему, — сказала она, — было заперто отделение для шляп?

— Как это умно с вашей стороны, дорогая, — сказала мисс Марпл с сияющим видом. — Над этим я и билась сама. Хотя объяснение было

совсем простое. Там лежала пара вышитых комнатных туфель и несколько носовых платков, которые бедная девочка вышивала для своего мужа к Рождеству. Вот почему она заперла это отделение. Ключ нашли у нее в сумочке.

— О! — сказала Джейн. — Тогда это не так уж интересно.

— О да, очень, — сказала мисс Марпл. — Это единственная действительно интересная вещь; это то, что спутало все планы убийцы.

Все пристально посмотрели на старую леди.

— Я сама не понимала этого два дня, — сказала мисс Марпл. — Я ломала и ломала себе голову, а потом вдруг это пришло само собой, совершенно отчетливо. Я пошла к инспектору и попросила его попробовать сделать одну вещь — и он попробовал.

— Что вы попросили его попробовать?

— Я попросила его надеть шляпу на голову бедной девочке — и он, разумеется, не смог. Она не належала. Это была не ее шляпа, понимаете?

Миссис Бэнтри посмотрела на нее широко открытыми глазами.

— Но начать с того, что она была у нее на голове?

— Не у нее на голове....

Мисс Марпл мгновение помолчала, чтобы ее слова дошли до слушателей, и продолжала:

— Мы считали как нечто само собой разумеющееся, что там лежало тело бедной Гледис, но мы

ни разу не взглянули на ее лицо. Помните, она лежала ничком, и все было закрыто шляпой.

— Но она была убита?

— Да, позже. В тот момент, когда мы звонили в полицию, Гледис Сандерс была жива и здорова.

— Вы хотите сказать, что кто-то изображал ее? Но когда вы к ней прикоснулись, наверняка...

— Это было мертвое тело, совершенно верно, — серьезно сказала мисс Марпл.

— Но, черт побери, — сказал полковник Бэнтри, — мертвое тело не разбудешь на каждом углу. Что они сделали с... с первым трупом потом?

— Он отнес его обратно, — сказала мисс Марпл. — Мысль была безнравственная, но хитрая. Ее зарыл ему в голову наш разговор в гостиной. Тело бедной Мэри, горничной, — отчего бы им не воспользоваться? Помните, комната Сандерсов находилась наверху, среди комнат прислуги. Комната Мэри была от них через две двери. Могильщики должны были появиться лишь с наступлением темноты — на это он и рассчитывал. Пройдя через балкон, он принес тело (в пять уже стемнело), надел на него одно из платьев жены и ее красное пальто. И тут он обнаружил, что отделение для шляп закрыто! Единственное, что ему оставалось делать, это принести одну из шляп самой бедной девушки. Никто не заметит. Рядом с ней он положил мешок с песком. Затем он

отправился устанавливать свое алиби. Он позвонил жене, назвавшись м-ром Литтлуортом. Не знаю, что он ей сказал, — она была доверчива, как я уже говорила. Но он добился того, чтобы она рано ушла с бриджа и не возвращалась в водолечебницу, и договорился встретиться с ней в 7 часов в парке лечебницы неподалеку от пожарной лестницы. Он, вероятно, сказал ей, что у него приготовлен для нее какой-то сюрприз.

Он возвращается в лечебницу с друзьями и подстраивает так, что мы с мисс Троллоп вместе с ним обнаруживаем преступление. Он даже изображает попытку перевернуть тело — а я его останавливаю! Потом посылают за полицией, и он, шатаясь, выходит в сад.

Никто не требовал от него алиби после преступления. Он встречает жену, поднимается с ней по пожарной лестнице, они входят в комнату. Возможно, он уже рассказал ей какую-то историю о трупе. Она наклоняется над ним, он поднимает свой мешок с песком и бьет!... О боже! Мне даже и сейчас дурно при этой мысли. Потом он быстро стаскивает с нее жакет и юбку, вешает их в шкаф, и надевает на нее одежду с другого тела.

Но шляпа не налезает. У Мэри волосы были коротко острижены, а Гледис Сандерс, как я сказала, носила большой пучок. Он был вынужден оставить шляпу рядом с телом, надеясь, что никто не заметит. Потом он снова отнес тело

бедной Мэри в ее комнату и еще раз придал ему соответствующий вид. — Это кажется невероятным, — сказал д-р Ллойд. — Пойти на такой риск. Полиция могла появиться слишком быстро.

— Помните, линия была неисправна, — сказала мисс Марпл. — Это была его работа. Он не мог допустить слишком быстрого появления полиции на месте преступления. А когда они, наконец, появились, то прежде чем подняться в спальню, пробыли какое-то время в кабинете хозяина. Это было самым уязвимым местом — вероятность того, что кто-то может заметить разницу между телом человека, умершего два часа назад, и человека, умершего каких-нибудь полчаса назад. Но он рассчитывал на то, что у людей, которые первыми обнаружат преступление, не будет специальных знаний.

Д-р Ллойд утвердительно кивнул.

— Они должны были предполагать, что преступление было совершено без четверти семь или около того, я полагаю, — сказал он. — В действительности же оно было совершено в семь или немного позже. Осмотр тела хирургом, прибывшим с полицией, мог начаться самое раннее в половине восьмого. Он не мог сказать наверняка.

— Это должна была знать я, — сказала мисс Марпл. — Я держала руку бедной девушки, и она была

ледяная. И все же немного погодя, когда инспектор говорил так, словно убийство было совершено как раз перед нашим приходом, я ничего не сообразила!

— По-моему, вы соображали многое, мисс Марпл, — сказал сэр Генри. — Это дело прошло не на моей памяти. Не помню, чтобы я слышал об этом. Что произошло дальше?

— Сандерса повесили, — отчетливо произнесла мисс Марпл. — И хорошо сделали. Я никогда не жалела о том, что я сделала, чтобы этот человек предстал перед судом. Мне претят филантропические угрызения совести, которые существуют сейчас в отношении высшей меры наказания.

Ее суровое лицо смягчилось.

— Но я часто упрекаю себя в том, что не смогла спасти жизнь бедной девочки. Но кто стал бы слушать старуху, которая спешит со своими выводами? Что ж, кто знает? Может, для нее было лучше умереть, пока ее жизнь была счастливой, нежели жить в несчастье, утратив свои иллюзии, в мире, который вдруг оказался страшным. Она любила этого негодяя и верила ему. Она никогда не узнала, каков он на самом деле.

(Из сборника «Тринадцать задач», опубликованного в издательстве William Collins, Sons & Co. Ltd., 1962 г.)